

Блинова Ольга Александровна

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ ИЛИ ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В статье анализируется наблюдаемая в литературе по лингвистике и литературоведению тенденция отождествлять несобственно-прямую речь (НПР) с внутренним монологом. Приводимый в статье анализ англоязычного художественного текста показывает, что смешение этих терминов некорректно. В ходе анализа установлено, что НПР действительно является одной из форм ввода внутреннего монолога. Однако, как внутренний монолог может быть реализован в тексте с помощью других приемов, так и функции НПР могут выходить за рамки ввода внутреннего монолога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'38

Филологические науки

В статье анализируется наблюдаемая в литературе по лингвистике и литературоведению тенденция отождествлять несобственно-прямую речь (НПР) с внутренним монологом. Приводимый в статье анализ англоязычного художественного текста показывает, что смешение этих терминов некорректно. В ходе анализа установлено, что НПР действительно является одной из форм ввода внутреннего монолога. Однако, как внутренний монолог может быть реализован в тексте с помощью других приемов, так и функции НПР могут выходить за рамки ввода внутреннего монолога.

Ключевые слова и фразы: несобственно-прямая речь; репрезентация речи; передача чужой речи; внутренний монолог; анализ дискурса; контекстно-вариативное членение.

Блинова Ольга Александровна

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
blinova.o@gmail.com*

**НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ ИЛИ ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ:
К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ[©]**

Изучение способов репрезентации чужой речи в тексте представляет собой комплексную задачу, и в лингвистике сложилось несколько подходов к их изучению. В отечественном языкознании традиционно чужая речь изучается с позиций контекстно-вариативного членения текста. Так, И. Р. Гальперин выделяет следующие его формы: речь автора (повествование, описание, рассуждение) и чужая речь (диалог, цитация, несобственно-прямая речь) [3, с. 51].

В западной лингвистике принята несколько иная модель, включающая в себя более дробное членение типов репрезентации чужой речи. Изначально эта модель была предложена Дж. Личем и М. Шортом в 1981 г. и включает четыре типа:

- нарративный отчет о речевом акте *e.g. He agreed* / Он согласился (*здесь и далее перевод автора – О. Б.*);
- косвенная речь *e.g. He said that he agreed* / Он сказал, что согласился;
- несобственно-прямая речь *e.g. He was in agreement* / Он был согласен;
- прямая речь *e.g. He said, «I agree»* / Он сказал: «Я согласен»;
- свободная прямая речь *e.g. I agree* / Я согласен [10, р. 256].

В последующих работах исследовательской группы модель претерпела некоторые изменения. В частности, был добавлен еще один тип презентации речи, получивший название «нарративный отчет о голосе» (NV: narrative report of a voice). Это минимальная категория, просто сообщающая, что имело место некое высказывание: например, «He spoke» (он говорил) [13]. Эту систему часто называют «репрезентация речи» или «репрезентация речи и мысли» («speech (and thought) presentation»), но в настоящее время получил распространение более универсальный термин: «репрезентация дискурса» («discourse presentation»).

Однако можно также заметить, что в лингвистике и литературоведении сложилась своего рода традиция отождествления типов репрезентации речи с литературными приемами. В частности, это касается терминов «несобственно-прямая речь» и «внутренний монолог».

Подобные трактовки, смешивающие понятия внутреннего монолога и несобственно-прямой речи, встречаются в самых разных работах. Среди них и учебные пособия, например: «The narrator often reports the thoughts and feelings of the characters using free indirect speech (often called –interior monologue»)» [9, р. 69]. / «Нарратор часто передает мысли и чувства персонажей посредством несобственно-прямой речи (часто называемой –внутренним монологом»)». Нередки случаи отождествления в исследовательских работах: «Мы будем употреблять термины внутренний монолог и несобственно-прямая речь как синонимичные» [4, с. 138]. Даже в некоторых словарях, включая Словарь лингвистических терминов под ред. О. С. Ахмановой, несобственно-прямая речь определяется как «то же, что монолог внутренний» [1, с. 266]. Похожая позиция обозначена и в Словаре лингвистических терминов под ред. Д. Э. Розенталя: «В результате создается двуплановость высказывания: передается внутренняя речь персонажа, его мысли, настроения (и в этом смысле говорит он), но выступает за него автор» [6, с. 135]. Хотя здесь и нет прямого приравнивания несобственно-прямой речи к внутреннему монологу, ее сфера все равно ограничивается внутренней речью персонажа художественного текста.

Иногда исследователи приходят к выводу, что несобственно-прямая речь есть подвид внутреннего монолога или наоборот, что также оказывается неверным. Так, в одной из работ находим: «Если несобственно-прямая речь – это приём и способ передачи чужой мысли, то внутренний монолог – это, прежде всего, литературный приём; что же касается способа передачи речи, то внутренний монолог включается в понятие несобственно-прямой речи» [5, с. 65].

Несмотря на распространенность отождествления несобственно-прямой речи и внутреннего монолога, ряд исследователей придерживается мнения, что данная традиция – ложный стереотип, ведущий к искажению

понимания сути обоих явлений [2, с. 239-240]. Распространению данного заблуждения способствовал целый ряд факторов, среди которых можно выделить отсутствие в течение длительного времени единой терминологии, смешение лингвистической и литературоведческой традиций, а также узость материала, на котором проводилось исследование несобственно-прямой речи. Подобные отождествления, несмотря на свою распространенность, представляются нам неправомерными. Приводимый в настоящей статье анализ примеров демонстрирует не только необходимость различать термины «несобственно-прямая речь» и «внутренний монолог», но и невозможность установить, является ли один из этих терминов более узким: каждый из них частично включает в себя другой.

Перед непосредственным анализом текста условимся о терминологии. Несобственно-прямая речь (далее НПР) понимается в данной работе в соответствии с моделью Дж. Лича и М. Шорта как тип репрезентации чужой речи, в котором синтаксическое и лексико-стилистическое содержание оформляются по модели прямой речи, а местоименные, глагольно-временные и дейктические параметры – по модели косвенной. В НПР сохраняются маркеры речи персонажа (характерная или экспрессивная оценочная лексика, графически обозначенные фонетические отклонения, грамматические особенности), но отсутствуют кавычки, а также подчинительная связь между авторской ремаркой (при ее наличии) и словами персонажа [8, с. 366; 10, с. 261].

Под внутренним монологом (далее ВМ) в настоящей работе понимается в соответствии с определением О. С. Ахмановой, «Лингво-стилистический прием, служащий для литературно-художественного изображения внутренних переживаний описываемого лица и позволяющий заменять описание реально происходивших событий передачей порожденных этими событиями мыслей, впечатлений и т.п., оформляющихся во внутренней речи действующего лица» [1, с. 79]. Более современный Словарь стилистических терминов (A Dictionary of Stylistics, 2001) приводит два понимания ВМ: в строгом и более широком смысле. В строгом понимании – это расширенный вариант свободной прямой мысли, т.е. для ВМ характерны первое лицо и повествование от лица персонажа соответственно, глагольно-временные формы относятся к плану персонажа, а содержание полностью субъективно и не несет никаких знаков авторского присутствия. В таком понимании ВМ отличается от НПР даже на формальном уровне (глагольно-временные формы и лица местоимений не совпадают). Однако отмечается, что в литературе утвердилось и более широкое понимание ВМ как способа изложения точки зрения персонажа, без строгих ограничений на выбор глагольно-временных форм и т.д. [14]. Именно такое широкое понимание и привело в итоге к смешению понятий НПР и ВМ.

Таким образом, на основании анализа материала англоязычной художественной прозы можно выделить четыре ситуации, описывающие соотношение НПР и ВМ: (1) ВМ реализован полностью с помощью НПР; (2) ВМ реализован без помощи НПР; (3) НПР реализует часть ВМ наряду с другими приемами; (4) НПР реализует функции, никак не относящиеся к ВМ.

Обратимся к непосредственному рассмотрению указанных ситуаций.

1. ВМ реализован без помощи НПР. К этим случаям относятся ВМ в строгом понимании термина, например:

I'm the weapon, Harry thought, and it was as though poison were pumping through his veins, chilling him, bringing him out in a sweat as he swayed with the train through the dark tunnel. I'm the one Voldemort's trying to use, that's why they've got guards around me everywhere I go, it's not for my protection, it's for other people's, only it's not working, they can't have someone on me all the time at Hogwarts... I did attack Mr Weasley last night, it was me. Voldemort made me do it and he could be inside me, listening to my thoughts right now [12, p. 542-543]... / Оружие – это я, подумал Гарри, и словно по его венам потек яд, он весь покрылся холодным потом, сидя в несущемся по темному туннелю вагоне. Волдеморт хочет использовать именно меня, поэтому ко мне, куда бы я ни пошел, приставляют охрану, это они не меня защищают, а других, вот только бестолку, не могут же они постоянно держать кого-то при мне в Хогвартсе... Вчера ночью на мистера Уизли напал я. Это был я. Волдеморт меня заставил и, возможно, он прямо сейчас сидит внутри меня и слушает мои мысли...

Отрезок текста передает невысказанные мысли персонажа, его внутреннюю речь. Графически другим наклоном шрифта акцентируется смысловое ударение, что приближает мысль к звучащей речи. При этом авторская ремарка *Harry thought* указывает на речь все-таки внутреннюю. Употребление личных местоимений в первом лице и согласованных с контекстным планом персонажа глагольно-временных форм (*did attack, was, made*) указывает на ВМ.

2. ВМ реализован полностью с помощью НПР. Рассмотрим теперь пример ВМ в широком понимании термина (при рассмотрении его в узком смысле проблем в разграничении не возникает):

«Oh, of course». Holly picked the pot back up and searched around the room to panic for a suitable place. What had he said? A draught-free, warm location? How did he always manage to make her feel like an incompetent little girl [7, p. 83]? / «Да, конечно». Холли снова схватила горшок и принялась судорожно искать ему подходящее место. Что он сказал? Теплое место, без сквозняков? Как ему удавалось всегда заставлять ее чувствовать себя маленькой ничего не умеющей девочкой?

Формально предложения представляют собой НПР: присутствуют прошедшие временные формы (*had said, did always manage*), личные местоимение в третьем лице (*her*), сохраненный вопросительный строй предложений. Функция НПР в данном случае – выражение внутреннего мира, мыслей героини, т.е. совпадает с ВМ.

3. НПР реализует часть ВМ. В данном отрезке представлен ВМ главного героя (Гарри), который реализуется в тексте рядом различных моделей репрезентации мысли:

(1) *How had he become a snake? Perhaps he was an Animagus...* (2) *No, he couldn't be, he would know.* (3) *Perhaps Voldemort was an Animagus?..* (4) *Yes, thought Harry, that would fit, he would turn into a snake*

of course... (5) And when he's possessing me, then we both transform... (6) That still doesn't explain how I got to London and back to my bed in the space of about five minutes... [12, p. 543-544]. / Как он превратился в змею? Возможно, он анимаг?.. Нет, он бы это знал. Может, Волдеморт анимаг? Да, это похоже на правду, Волдеморт легко может превратиться в змею... А когда он вселяется в меня, думал Гарри, тогда мы оба превращаемся... Но это не объясняет, каким образом я за пять минут переместился в Лондон и обратно в свою постель...

В начале отрезка в предложениях (1) – (3) мы имеем дело с НПР. Здесь представлены характерные для прямой речи типы предложений (т.е. вопросительные) и модальность, выражающая точку зрения персонажа (*perhaps*). Также соблюдены формальные сдвиги, определяющие НПР как самостоятельную модель репрезентации речи: временной сдвиг (*had become, was, couldn't be* вместо *became, is, can't be*) и местоименный (*he* вместо *I*). Вторая же часть отрезка, предложения (5) – (6), представляют собой так называемую свободную прямую мысль. Имеется авторская ремарка *he thought*, маркеры прямой речи (*yes*), но отсутствует не только временной сдвиг (*is possessing, doesn't explain*), но и обязательный для НПР местоименный (*me, we, I, my* не изменяются) – повествование ведется от первого лица.

Таким образом, лишь часть ВМ передана посредством НПР, и здесь понятие ВМ оказывается более широким. Ведь возможно даже привести пример ВМ, оформленного без участия НПР.

4. Функции НПР выходят за рамки реализации в тексте ВМ. К этим случаям относятся те употребления НПР, где она выражает не внутреннюю речь и не мысли персонажа, а их высказанные вслух слова. Рассмотрим следующий пример:

Was his solitude not unbearable? «Nights, ancestors visited. Days, I yarned tales of Maui to birds, & birds yarned sea-tales to I» [11, p. 33]. / Не трудно ли переносить одиночество? «По ночам приходили предки. Днем я рассказывал сказки Мауи птицам, а птицы рассказывали мне сказки моря».

На НПР в отрывке указывают аналогичный прямой речи вопросительный строй предложения, глагольно-временной сдвиг, а также местоименный, который здесь происходит со второго лица (предполагается обращение) на третье (*Is your..? → Was his..?*). НПР здесь ВМ не является, во-первых, потому что вводит речь не внутреннюю, а внешнюю (устную), а во-вторых, НПР направлена не на героя, а представляет собой реплику диалога, а не монолога. Подобное окружение для внешней (устной) НПР довольно типично: она предвзвешивается или же следует непосредственно за репликой диалога, выраженной прямой речью:

Why should Rafael, an Australian-born lad, have an American song by heart? «I didn't know 'twas a Yankee un», – he replied awkwardly [Ibidem, p. 39]. / С чего вдруг Рафаэлю, парню родом из Австралии, знать наизусть американскую песню? «Я не знал, что это песня янки», – ответил он, смутившись.

Здесь вместо местоименного сдвига появляется замена местоимения на имя собственное (обращение *you → he → Rafael*). Иногда оформленной прямой речью реплики как таковой нет, но она подразумевается (и выражена описанием невербального компонента речевого акта):

Had the doctor misplaced anything on that dismal shore? Could I render assistance? Dr Goose shook his head... [Ibidem, p. 3]. / Не забыл ли чего доктор на этом проклятом берегу? Доктор Гус покачал головой.

В других случаях возможен ввод авторской ремарки (обязательно бессоюзно), указывающий на диалогическую устную речь:

Why, I asked, was he beaten so savagely in the Indian hamlet [Ibidem, p. 30]? / За что, спросил, он был так зверски избит в индейской хижине?

Таким образом, анализ примеров демонстрирует, что как ВМ, так и НПР могут передавать внутреннюю речь персонажа, его мысли и вербализованные чувства с его перспективы. Однако как ВМ может быть реализован в тексте с помощью ряда других приемов (например, свободным прямым дискурсом), так и функции НПР могут выходить за рамки ввода ВМ: НПР часто передает звучащую и / или диалогическую речь.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Борисова Е. С. Исследование несобственно-прямой речи в италянистике в 1920-1960-е гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 232-241.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
4. Палий А. А. Несобственно-прямая речь в романах Джейн Остин как одно из проявлений ее стилистического новаторства // Омский научный вестник. 2011. № 5 (101). С. 136-138.
5. Пучинина О. П. Структурно-семантическая репрезентация несобственно-прямой речи // Приволжский научный вестник. 2013. № 9. С. 58-70.
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
7. Ahern C. P. S. I Love You. London, 2007.
8. Blinova O. A. The Notion of Free Indirect Discourse and Its Use in Contemporary Journalism // Humanities and Social Sciences Review. 2012. Vol. 2. № 1. P. 365-371.
9. Irvine M., Jones C. Twentieth-Century Stories. Macmillan, 2011.
10. Leech G., Short M. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. London, 2007.
11. Mitchell D. Cloud Atlas. London, 2004.
12. Rowling J. K. Harry Potter and the Order of Phoenix. London, 2004.
13. Semino E., Short M. Corpus Stylistics: Speech, Writing and Thought Presentation in a Corpus of English Writing. London, 2004.
14. Wales K. A Dictionary of Stylistics. Pearson Education, 2001.

FREE INDIRECT SPEECH OR INTERNAL MONOLOGUE: ON PROBLEM OF DIFFERENTIATION

Blinova Ol'ga Aleksandrovna

MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
blinova.o@gmail.com

The article analyzes the tendency to identify free indirect speech with internal monologue, which is observed in the literature on linguistics and literary criticism. The analysis of the English-language literary text, given in this article, shows that the confusion of these terms is inappropriate. It is stated in the course of the analysis that free indirect speech is really one of the forms of internal monologue introduction. However, as the internal monologue can be implemented in the text using other methods, so the functions of free indirect speech may go beyond the frameworks of internal monologue introduction.

Key words and phrases: free indirect speech; representation of speech; utterance of somebody other's speech; interior monologue; discourse analysis; context-variative division.

УДК 81

Филологические науки

В статье исследуется экономический дискурс как сфера притяжения метафор из различных областей знания и как источник экспансии метафор в такие типы дискурса, как политический, спортивный, лингвистический и т.п. Особое внимание уделяется интертекстуальному и интердискурсивному характеру метафоры. Оба явления связываются с открытостью и возможными отношениями между текстами (дискурсами) в общем когнитивном пространстве.

Ключевые слова и фразы: метафора; термин-метафора; метафорические модели; экономический дискурс; интертекстуальность; интердискурсивность.

Бородулина Наталья Юрьевна, д. филол. н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
nat-borodulina@yandex.ru

МЕТАФОРА В ЭКОНОМИКЕ VS ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА[©]

Исследованию метафоры в различных типах дискурса в отечественном языкознании отведено значительное место. Неоднократно указывалось на то, что метафора является мощным средством вербализации специальных понятий, а также выражения отношения и оценок описываемых явлений. Метафора – бесспорный способ обеспечения интертекстуальности и интердискурсивности за счет обращения к самым разнообразным областям и сферам для поиска источника «скрытого» сравнения. При многообразии работ, посвященных метафоре и метафорическому моделированию действительности, существует, на наш взгляд, некоторая путаница в обозначении типов метафор, что можно объяснить наличием в структуре метафорического значения коррелирования двух доменов: области, из которой это значение берется (источник) и области, с которой в новой интерпретации соотносится референт (цель). Что мы имеем в виду, когда мы говорим, например, об экономической метафоре: экономический дискурс, сферу метафорического притяжения многочисленных ЛЕ, расстающихся с привычной областью применения и приобретающих новое, переносное значение, либо слова из экономического лексикона, используемые для вербализации иных областей знания? В соответствии с общей традицией обозначения метафорических моделей по источнику переноса значения (см. например: [1]), мы придерживаемся второго варианта и полагаем, что в экономических метафорах экономический дискурс – это источник, тогда как в метафорах экономического дискурса он становится целью (мишенью) метафорического значения. Только четкое разграничение смещения экономического дискурса в сторону того или иного домена позволит проследить интердискурсивные характеристики экономического дискурса и представить его как мощнейшее поле, куда стекаются многочисленные метафоры практически из всех возможных дискурсов и откуда осуществляется экспорт экономических метафор.

В данной статье на материале русского, французского и английского языков будет представлен интердискурсивный потенциал экономического дискурса. Источники примеров – метафорические контексты, полученные методом сплошной выборки из газетных и журнальных статей на экономическую тематику, словарные издания [3; 4], а также газетный корпус Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [8].

Существует мнение, что экономический дискурс «вне-метафоричен», и это объясняется его непосредственной связью с сухим бухгалтерским языком, а увлечение авторов экономических текстов живой метафорой представляет собой своеобразный протест, поскольку подлинный язык науки вне метафоризации существовать не может [9]. Нельзя согласиться с первой частью данного высказывания, так как даже беглое обращение к терминологическому аппарату свидетельствует о наличии пласта терминов-метафор, устоявшихся